

Белова Ольга

КОМАНДИРОВКА

Ольга Александровна Белова

Командировка.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23099648

ISBN 9785448379055

Аннотация

Герои коротеньких рассказов обитают повсеместно, образ жизни ведут обыкновенный, размножаются и в неволе. Для них каждое утро призывно звонит будильник. Они, распахивая конкурентов, карабкаются по той самой лестнице, жаждут премий и разом спускают всё на придуманных для них распродажах. Вечером – зависают в пробках, дома – жуют котлеты, а иногда мчатся в командировку, не подозревая, что из неё не всегда возможно вернуться.

Содержание

Сообщество покинувших раковины	5
Старушка-путешественница	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Командировка

Сборник рассказов

Ольга Александровна
Белова

Иллюстратор Галина Сергеевна Коржавина

Редактор Татьяна Хайдеровна Валавина

© Ольга Александровна Белова, 2017

© Галина Сергеевна Коржавина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7905-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сообщество покинувших раковины

Стас засунул руки в карманы и принялся нервно перебирать монеты: для начала нужно было хотя бы проштудировать статью о мелком хулиганстве, а потом уже браться за дело – не хватало еще влипнуть в историю... Молодой человек хотел было опять усесться между знойной, истекающей соком блондинкой и похожим на чернослив старичком, но тут же взял себя в руки: в конце концов, нужно оставить все сомнения – и вперед! Как говорит Иннокентий, считаем до трех, вдох диафрагмой, медленный выдох и... на выдохе, отбросив все страхи, совершаем задуманное. Страх, как и бессмысленные сожаления, – нерациональное разбазаривание энергии, а в условиях её тотального дефицита допускать это категорически воспрещается!

Стас сделал все по инструкции (то есть как говорил Иннокентий): вперил взгляд в межсубъектное пространство, вытащил дрожащие руки из кармана, усилием воли растопырил пальцы, установил пятерню над головой и сделал неуверенный шаг вперед. Дыхание перехватило (по словам Иннокентия, именно так даёт о себе знать потеря контроля), первым желанием было, конечно, зажмуриться или вообще провалиться сквозь землю (что частично было уже реализовано и даже не требовало визуализации, Стас и так находился под землей).

– Дышать! Дышать! Дышать! – загудел в ушах грозный голос Иннокентия.

Пытаясь справиться с ситуацией, Стас вдохнул, выдохнул, вдохнул... поймал равновесие и завис в состоянии баланса. Справившись с волнением, молодой человек вспомнил, что первый шаг не так сложен, как второй. (Об этом, тоже, кстати, предупреждал Иннокентий, даже приводил статистику, опираясь на прыжки с парашютом, – желающих сигануть в первый раз всегда хватает, кто-то прыгает на спор, кто-то с бодуна, кто-то в честь прекрасных дам, ну а те, кто находится на более высокой ступени сознания, готовы превратиться в лепешку ради о-щу-ще-ний! Совершив первый прыжок, на второй решаются не многие.)

Вспомнив строгое наставление, Стас собрал остатки силы, воли и разума и единым, плотным сгустком толкнул себя в нужное ему пространство вариантов – последовал второй шаг... Рука то ли онемела, то ли вовсе стала каменной, хотелось поскорее убрать её с головы, но Стас, вытянувшись в струну, держался... Третий и четвертый шаг шли не то что как по маслу, но заметно легче. Двигатель как будто завелся и постепенно начал набирать обороты. Стас расправил плечи, до белых костяшек растопырил над головой пальцы и сделал еще несколько осторожных, но верных шагов, стараясь не наступать на ноги окружающих. Рука словно приклеилась к макушке, убери Стас её сейчас, смысл всего был бы сведен к нулю, усилия были бы потрачены впустую, он под-

вел бы Иннокентия, товарищей по сообществу, но главное, он подвел бы себя – не оправдал бы свои собственные надежды и заложенный в нем потенциал!

Отступать некуда! За нами Москва!

– Ку-ка-реку! – прокричал Стас и, задрав клюв, пошел вдоль прохода.

Дама в желтой беретке откликнулась первая, на секунду оторвала глаза от книжки, признала в Стасе петуха и тут же опять ушла в Кастанеду: то, чем сейчас занимался Стас, для нее было вчерашним днем. В противоположном конце вагона хихикнули два подростка, но тут же нырнули в социальные сети, там еще и не такое увидишь. С некоторым опозданием рядом сидящая тётя окинула молодого человека с ног до головы и опять ушла в себя.

Происходило все именно так, как и говорил всезнающий Иннокентий: каждый находился внутри своей собственной раковины и ему не было никакого дела до окружающих, до какого-то там Стаса, пусть даже кукарекающего. Выход же из раковины – процесс сложный и многоступенчатый (не каждому он по зубам): прежде всего, нужно отыскать в этой раковине самого себя (это только кажется, что сделать это просто); найдя себя, нужно взять себя за шкуру и покинуть раковину; на этом еще не все, теперь нужно идти и пытаться достучаться до соседних раковин, и, когда другие начнут из них вылезать, нужно всем дружно взяться за руки и вместе начать строить сообщество покинувших раковины.

Вместе всегда легче выходить на новый уровень сознания, по одному туда не всегда пускают.

Стас сразу понял, что народ, находившийся в вагоне, в большинстве своем пока не встал на путь совершенства. Дойдя до конца вагона, молодой человек с чистой совестью убрал гребешок, обмяк и опустился на первое попавшееся сидение. Нервное напряжение давало о себе знать. До «Тимирязевской» молодой человек дал себе отдохнуть: закрыл глаза, сконцентрировался на верхнем центре и дал пройти через себя верхнему потоку. Почувствовав теплый прилив (в груди как будто открылся клапан), Стас тут же вспомнил о технике безопасности: сделал несколько коротких резких выдохов из упражнения «Собачка». Вовремя сделал, иначе резкий прилив энергии так бы шарахнул – мало не показалось бы. На «Савеловской» Стас пробудился, по-иному посмотрел на вошедший поток народа. До «Менделеевской» оставалась одна остановка, там народ сменится, концентрация энергии усилится – и можно будет переходить к следующему этапу.

По электронному табло проехали светящиеся буквы. Поезд отъехал от станции с вытянутыми вдоль потолка гигантскими кристаллическими решетками. Стас залез в кенгурятник, достал новенькую щетку для обуви и крем с экзотическим названием «Киви», мельком глянув на окружающих, нагнулся, выдавил жирную гусеницу крема себе на мысок ботинка и стал туда-сюда шуровать щеткой. Чистка бо-

тинок оказалась ерундой по сравнению с «Петухом», на ней, можно сказать, Стас отдохнул.

Покончив с ботинками, Стас подтянул энергию теперь уже из нижнего центра, сбалансировал два потока: следующее задание было архисложным, из разряда упражнений со звездочкой, за такие берутся только уверенные и продвинутые. Продвинутым он пока еще не был, но стремился им стать, поэтому, уже без лишних колебаний, перешел к делу. Иннокентий говорил, что уверенность – это просто маска, и если надевать её каждое утро, то вскоре она станет тобой, а ты ею. Более продвинутые не снимают её даже на ночь, таким же, как Стас, новичкам рекомендовалось пользоваться ею по необходимости и после снимать. Молодой человек представил, как надел маску, грудь гармошкой расправилась, внимательно, без тени смущения, осмотрел ботинки сидящих в рядок людей. Выбор остановил на грязных, потертых ботинках, принадлежащих заспанному, помятому мужчине. С дамами Стас пока не связывался, дамы – это высший пилотаж, даже Иннокентий работает с ними в крайнем случае, тут нужна особенная подготовка. Молодой человек поднялся со своего места, сделал шаг к мужчине, опустился у его ног и с выражением, не терпящим возражений, надавил на мысок его ботинка черную загогулю. Мужик вытаращил глаза, зашлепал губами, но так и не произнес ни слова: уверенность Стаса в правильности содеянного передалась и ему. Не теряя ни секунды, Стас принялся за работу,

щетка замелькала из стороны в сторону. Мужик еще некоторое время пытался ловить глазами щетку, а потом плюнул и даже выставил вперед другой ботинок. Стас довольно ухмыльнулся, он сразу вычислил, что мужик из непробужденных: муть в глазах, неспособность к концентрации, хек после разморозки. Таких в наше время большинство. Рождаются, умирают, женятся, жрут, смотрят телевизор и при этом все время спят. (Стас и сам был недавно таким.) Доделав свое дело, Стас присел напротив обслуженного им мужика и из верхнего центра отправил ему благодарственный посыл. Закончив практику, партнера всегда нужно поблагодарить. Стас прикрыл глаза: из-за неопытности упражнение может отнимать много энергии, позже поток восстановится. В этом вся суть – энергия циркулирует, все кругом пульсирует, и ты живешь, а не спишь. (Движение – это жизнь, как говорили древние греки, а вслед за ними Иннокентий.) Да, кстати, если бы вдруг мужик в ботинках не дался, обругал Стаса или даже применил по отношению к нему насилие – упражнение все равно считалось бы выполненным. Мы живем не только в материальном мире, но также и в мире намерений.

Оставшиеся несколько станций до «Чертановской» Стас обдумывал задания на следующий день, а также прикидывал, что нужно вписать в отчет за неделю. Иннокентий проверял записи еженедельно, вообще, наставник у них был грамотный, направление свое строил на древних практиках, на сегодня оно вбирало в себя всю мудрость веков. Однако

прогрессивный Иннокентий не ограничивался одной древностью, не забывал он и про последние достижения современности. Тайм-менеджмент, к примеру, был его излюбленным коньком. Иннокентий говорил, что ни одна секунда не должна быть утоплена в пространстве без эффективного фидбэка¹, обращал внимание Иннокентий и на то, что все показатели должны быть количественными, а значит, измеряемыми. И самое последнее – ставить четкие цели. Стас так и делал, три задачи в день, двадцать одно в неделю – и никаких выходных! В тайм-менеджменте выходных не бывает.

На «Чертановской» Стас вышел, офис недавно переехал из центра в Тмутаракань. Серенькое, неумытое здание находилось в пятнадцати минутах ходьбы от метро. Дорога шла вдоль оживленной улицы. По настоятельному совету Иннокентия, каждый должен был находить каждый день пятнадцать минут уединения. Кстати, эти пятнадцать минут можно провести где угодно – в толпе, на митинге: уединение заключено в тебе самом и не зависит от окружения. Молодой человек размашисто шагал по тротуару. Падали редкие капли дождя вперемешку со снежинками. Одна из снежинок упала ему на нос и, став колом, не таяла. Стас недовольно хмыкнул носом, снежинка нарушила уединение, дойдя до офиса, он внутренне улыбнулся – похоже, у него начало получаться параллелить несколько дел сразу (в материальном мире он топал на работу, в ментальном практически до-

¹ Feedback (англ.) – отзыв, отклик, ответная реакция. (Примечание автора)

стиг уединения), а это уже пахло выходом на новый уровень. Остановившись перед входом, Стас, тряхнув плечами, смахнул с себя капли и, пройдя под стеклянным куполом, приложил пропуск к считывателю. Система зафиксировала вход в здание. Вообще, система была очень умная. Датчики стояли повсюду и фиксировали всё: время прихода, ухода, перекуры, время, проведенное в столовке, просиженное в уборной. Если за день набиралось больше полутора часов простоя, сотрудник получал первое предупреждение. Еще полторашка – второе, вместо третьего – вызов к начальству. «Фигус Индастрис» совместно с новейшей системой давно приучил сотрудников все делать быстро. Но свободу можно обрести даже в застенках. Стас кивком поприветствовал коллег, с некоторыми поздоровался за руку. Рукопожатие усиливает обмен не только кишечными палочками, но и энергиями. Иннокентий особенно настаивал на том, что нужно здороваться с теми, у кого ты хочешь что-то позаимствовать, имелось в виду, конечно, личностное качество. Ты получаешь то, что нужно тебе, взамен предлагаешь что-то свое, при этом никто ничего не теряет, а все только приобретают. А это уже гармония.

Дойдя до рабочего места, Стас включил комп, в животе что-то неприятно булькнуло, как будто съел что-то несвежее. Зазвонил телефон, на экране высветились ненавистные буквы – «К-У-В-А-Л-Д-И-Н». Выслушав собеседника, Стас залез в ящик стола и, прихватив папку, потащился на третий.

Кувалдин сейчас будет топтать ногами, кидаться, как тигр... «Хотя почему тигр? – остановил сам себя молодой человек. – Тигром Кувалдин был в прошлый раз, в этот раз будет... бульдогом...»

В лифте Стас поправил галстук, зачем-то дыхнул на зеркало, оставив на нем мутный след, и представил Кувалдина в наморднике и с поводком на шее. Кувалдин продолжал кидаться, разбрасывал вокруг себя слюну, чуть было не дотянулся до Стаса и не порвал ему штанину.

Выйдя из лифта, молодой человек взял себе заметку: «Спросить у Иннокентия, как научиться игнорировать Кувалдина». Можно, конечно, попробовать «Водный поток». Техника безотказная, Стас уже не раз применял её дома – и, нужно сказать, не без успеха, хотя последнее время стена воды уже не так надежно защищала его от Светки. Стас даже подозревал, что Светка тоже таскалась на какие-то тренировки.

Кувалдин продолжал гавкать, даже когда Стас вышел из лифта. Конечно, Кувалдин – не Светка, тут нужна защита помощнее. Подойдя к кабинету, Стас помялся, но тут снова вспомнил про своего учителя – у Иннокентия и против Кувалдина найдется какая-нибудь методика, он её обязательно освоит и станет относиться к Кувалдину ровно, а может, даже покровительственно, доброжелательно, чем черт не шутит. А однажды... однажды вообще все будет по-другому: внешние раздражители, типа Кувалдина или Светки, просто перестанут для Стаса существовать, Стас окончательно про-

будится, жизнь его станет совершеннее, он навсегда покинет свою раковину и, наконец, совершит восхождение на олимп совершенства.

Там его, конечно, уже будет ждать Иннокентий, вместе они будут сидеть, курить бамбук и ждать, когда к ним подтянутся другие.

Старушка-путешественница

– Матерь Божья, а грохочет-то как! – Евдокия Михална выглянула из окна вагона и перекрестилась, сжав сморщенные, с синими прожилками губы, посмотрела вниз железнодорожной насыпи и на всякий случай подоткнула кулачок под подбородок – уж очень волновалась за зубы, вернее, за их заместителя: разяву поймаешь и всё, пиши пропало, разлетится вдребезги, а за него уплочено! Хотя что уж теперь...

Согнувшись над столиком, старушка нацарапала в раскрытом блокноте четыре цифры – 5960.

– Ох, много, много, – запричитала она. – Это ж надо, в такую даль занесло... Дома-то что не сидится...

В вагоне было шумно, пыльно, но как-то по-домашнему. Проводница, толстая бабища, растопырив ноги и упершись плечом в стенку вагона, копошилась в мешке с бельем. Новосибирск – большой узел, многие вышли, оставив ей грязные простыни и полотенца.

Евдокия Михална занимала крайнюю полку возле туалета и была этому несказанно рада. И на боковушку билет еле достала, а задержись она день-другой?.. Ох, и делов бы наделала... Но сейчас, слава те, Господи, ехала... и ехала аж пятые сутки.

На клочке бумаги, рядом с только что выведенными цифрами, столбиком стояли предыдущие вычисления. Свер-

ху других было нарисовано «9260», старушка отмахнулась от этого числа, как черт от ладана, – шутка ли, отмахать за раз столько километров! Только и было в этом числе хорошего, что оно у них тут в каждом вагоне на стенке вывешено, а вот дальше пришлось повозиться ей с этой арифметикой, кое-что проводница подсказала, поначалу-то она расторопней была, всё успевала: и на вопросы ответить, и чай выдать, и задом, где надо, крутануть. А потом осерчала на что-то, на Евдокию Михалну шикнула, оттого и пришлось ей искать новые источники информации, потому как до зарезу ей нужны были эти цифры.

Получив отказ от вагонной начальницы, слезы лить не стала, потому как тут же подфартило ей с академиком – портфельчик, лысина, маленькие ручки, подсел он к ним в Слюдянке, занял верхнюю полку, как раз над ней. Окончательно убедило старушку в том, что попутчик её – человек учёный, то, каким макаром брался он за эту самую теорему Пифагора – пыхтел, морщился, серчал, ежели кто отвлекал его попусту. Методы у академика, однако, оказались шалопутные. Евдокия Михална и теперь с содроганием вспоминала недавно пережитое. Такое увидишь разве что в детективах, со смертельным исходом. Дело было вечером, только они проехали пассажирскую-сортировочную, академик незаметно спустился со своей антресоли, тенью скользнул по коридору, подобрался к казенной схеме, вытащил откуда-то инструмент, открутил два болта и – фьють! – схему эту будто

корова слизала. Евдокия Михална всё это время прикрывала его сзади, ох, и натерпелась же она тогда. Возвратившись, академик и вовсе удивил путешественницу – достал линейку и, применив науку, принялся что-то считать. Старушка тщательно все записала: и результат, и погрешности, хотя, на кой они нужны, так и не разобрала, откель взялась линейка, также осталось за занавесью – в поезде скорее встретишь жареного павлина, чем такую принадлежность. Пока счетовод считал цифирь, старушка не находила себе места – пропажу мог кто-нибудь обнаружить, тогда всё бы пошло прахом, все усилия псу под хвост... Кто его знает, до чего б дело дошло? А ежели б с поезда ссадили?! Страшные мысли долго еще копошились, не давая ей покоя, Евдокия Михална и теперь, невзначай повернувшись, крестилась, а потом плевала на кого-то сбоку.

Да, хороший был человек, счетовод её перламутровый, жаль, сошел нонче.

Прикрыв блокнот, старушка оглядела попутчиков. Нечаянно мазнула глазами по мужчине из соседнего закутка, пляться-то было неудобно, тот, будто воробышек, сидел у ног укутанной в одеяло незнакомки, девушка с кислым видом разглядывала мелькающие за окном сосны и березы. Не будь в вагоне столько народу – и к бабке ходить не надо, было бы кино для взрослых. Поерзав на месте, Евдокия Михална нащупала ногой запрятанный под низОм костыль. Из мужиков-то сейчас никто не вступится, дохлые все, эпатенты, та-

кому и лезть не резон...

Еще дома она смотрела фильм про мафию. Там один шустрый старикашка в случае заварушки костылем во всех тыкал, а из костыля лезвие выскакивало, вострющее-превострющее. У них там, в Европах, тоже, видно, не сахар, преступность разнузданная. А у нас и того хлеще... В её время разве ж так безобразничали?! Мужики при делах были, коммунизм строили, а сейчас, стыдно сказать, такие извращения пошли, что и на старух заглядываются. Евдокия Михална на всякий случай подтянула резинку на ушедшем чулке, чулки она носила не из-за всяких там глупостей, стара она для этого, просто с ними легче управиться, когда момент наступит. Движение это не осталось незамеченным, клянчащий мужик перевел взгляд и раздул ноздри.

«Свят-свят-свят!» – Старушка уткнулась в окно, внутри, однако ж, зашевелился червяк. Да разве б сидела она такой шляпой, будь с ней этакий прибор! Да с таким прибором никакой элемент не страшен! Перед глазами вдруг проплыла страшная сцена: дырка в боку, кровяца. Старушка охнула, обомлела. «Совсем из ума выжила, старая дура! Человека чуть не зарезала». И это после того, как её – тлю! – чести такой удостоили!

Чтобы не натворить ничего лишнего, старушка расстелила постель и поскорее улеглась. Благо наступил вечер.

Еще одно утро Евдокия Михална встретила под стук колес. Обстановка несколько изменилась. Клянчащий мужичонка, раскрыв рот, спал на месте красавицы, красавица тихонько, вроде как и не было её здесь, сидела в углу недоделанного купе, на лице не осталось и следа от прежней озабоченности. Нечто подобное Евдокия Михална уже видала в рекламе йогурта. Страдаешь, мучаешься, а потом – бах! – облегчение! И будто заново на свет народился и... порхаешь!

«Быстро же у них сладилось... Добился все ж таки своего, харя бандитская! – Старушка не успела и моргнуть, как снова свернула с дорожки праведной, козломордый-то своего не упустит, но тут же пшикнула на себя: – А ты кто такая-то, осуждать?! Сама молодая не была, что ль!»

Вытаращившись в потолок, Евдокия Михална долго еще лежала, думая уже о своём, прежде чем переключиться на дела утренние, потом достала мыльницу, вафельное полотенчишко и, увидав, что в противоположном конце вагона народа нету, пошлѐпала умываться.

По дороге старуха перекрестилась, склонила голову, хотела было отвесить земной поклон, но не тут то было – не успела она сложиться пополам, дверь в тамбуре ухнула. «Ничего, ничего, – успокоила она себя, пропуская вперед мужчину с перекинутым через плечо полотенцем. – Дай только на землю сойду, там уж вволю накланяюсь, и Богородице, и святым угодникам».

Закончив утренний марафет, Евдокия Михална позавтра-

кала и заглянула в свою арифметику. Утро встретило недоброй вестью, поезд опаздывал. По правде сказать, известно это было еще накануне, но она поначалу отмахивалась, надеялась, что за ночь поезд наверстает упущенное, такое не раз бывало: днем – каждому столбу кланяется, а ночью несется, как ошалелый. Однако поезд опаздывал еще больше.

Евдокия Михална охнула, пожалела, что рядом нет академика, в состав бы он, конечно, не впрягся, но хотя бы растолковал ей, что к чему, может, не знала она чего про поезда эти окаянные! Хватанув ртом воздух, старушка поскорее достала укутанный в клетчатый платочек флакончик. По вагону галопом разнесся дух. Накопав себе лошадкину дозу, опрокинула мензурку, стало помаленьку отпускать. Припрятав пузырек, путешественница снова заглянула в блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.